

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 111.1 + 159.937.3 + 17.026.4

О. М. Мухутдинов

О МНИМОМ ПРАВЕ ЛГАТЬ И ПРАВЕ СКРЫВАТЬ ПРАВДУ

В статье обсуждается знаменитый вопрос о мнимом праве лгать из человеколюбия. Анализируются этические и юридические аргументы, посредством которых Кант стремится обосновать тезис о недопустимости лжи. Феномен лжи рассматривается с точки зрения онтологии практического существования человека в мире. Возможность постановки вопроса о праве лгать из человеколюбия связывается с обстоятельствами ситуации.

Ключевые слова: Кант, этика, право лгать, мир, горизонт, онтология практического существования.

В сентябре 1797 г. в журнале «Берлинский вестник» семидесятичетырехлетний Кант, уже завершивший к тому времени построение системы критики разума и универсальной теории морали, публикует небольшую заметку под названием «О мнимом праве лгать из человеколюбия». В академическом издании собрания сочинений Канта эта заметка занимает шесть страниц. Основной тезис кантовского рассуждения заключается в том, что существует «священная, безусловно повелевающая и никакими внешними требованиями не ограничиваемая заповедь разума: во всех показаниях быть правдивым (честным)» [6, 294]. Утверждение Канта провоцирует возникновение нового скандала в философии, поскольку в данной конкретной заметке оно применяется к ситуации, в которой нам приходится принимать решение о том, следует ли сообщать зломуышленнику правду о местонахождении преследуемого им нашего друга. Эта ситуация связана с возникновением внешних обязательств в отношении других людей. Поэтому она должна регулироваться не этическим, а юридическим законодательством. Последнее же требует безусловной правдивости в показаниях. Следовательно, единственное возможное решение проблемы, с точки зрения Канта, заключается в том, чтобы сообщить зломуышленнику требуемые им сведения.

С этого момента занимающиеся кантоведением исследователи разделяются на две группы. Сторонники Канта не сомневаются в обоснованности его аргументов. Противники Канта не признают эти аргументы убедительными. Исходя из

представления о невозможности тотального заблуждения, можно резонно предположить, что ни одна из участвующих в полемике сторон не является совершенно неправой. Но все же предрассудки, свойственные всякой односторонне занятой позиции, вряд ли способны содействовать разрешению столь принципиального для Канта вопроса. Цель настоящей статьи состоит поэтому не в обсуждении существующих точек зрения, но в поиске иных возможностей исследования кантовской проблемы. Для того чтобы показать, что такие возможности действительно существуют, необходимо прежде всего рассмотреть внутренние мотивы, определяющие отношение Канта к вопросу о праве лгать из человеколюбия. Далее, следует обсудить ключевые моменты, возникающие в связи с применением принципа правдивости к указанному случаю. Результатом этого исследования должно стать взвешенное представление о возможных путях разрешения знаменитой проблемы Канта–Констана.

Для того чтобы получить ясное и отчетливое представление об отношении Канта к феномену лжи, достаточно обратиться к примерам, которые сам Кант приводит в своих этических сочинениях. Кант утверждает, в частности, что никто не имеет права давать ложные обещания, поскольку высший принцип нравственности требует в таких случаях быть честным. Кант пишет: «Чтобы прийти кратчайшим и вместе с тем верным путем к ответу на вопрос, сообразно ли с долгом ложное обещание, я спрашиваю самого себя: был бы я доволен, если бы моя максима (выйти из затруднительного положения посредством ложного обещания) имела силу всеобщего закона (и для меня, и для других)? И мог бы я сказать самому себе: пусть каждый дает ложное обещание, если он находится в затруднительном положении, выйти из которого он не может другим способом? Поставив так вопрос, я скоро пришел бы к убеждению, что хотя я и могу желать лжи, но вовсе не хочу общего для всех закона — лгать; ведь при наличии такого закона не было бы, собственно говоря, никакого обещания, потому что было бы напрасно объявлять мою волю в отношении будущих поступков другим людям, которые этому объявлению не верят или, если бы они необдуманно сделали это, отплатили бы мне той же монетой» [7, 239]. В «Критике практического разума» Кант еще раз возвращается к данной теме: «Если кому-нибудь говорят, что он никогда не должен давать ложных обещаний, то это есть правило, касающееся только его воли, все равно, будут ли им достигнуты те цели, которые он может иметь, или нет; чистое воление есть то, что должно быть определено посредством указанного правила совершенно a priori. Если же окажется, что это правило практически верно, то оно закон, так как оно — категорический императив» [2, 333].

Этот принцип распространяется не только на обещания, но и на все высказывания, цель которых заключается в том, чтобы преднамеренно ввести в заблуждение другого человека. Субъективное основание определения воли, действующее в содержащих ложь суждениях, ни при каких обстоятельствах не может стать принципом всеобщего законодательства. Практический же закон выражает идею абсолютной необходимости. Из этого следует, что «заповедь *не лги* действительна не только для людей, как будто другие разумные существа не должны обращать

на нее внимания» [7, 223]. Таким образом, с морально-этической точки зрения ложь является недопустимой, и это правило не предполагает никаких исключений.

В системе метафизики нравственности ложь рассматривается как порок, который противопоставляется долгу человека перед самим собой. Сущность человека выражается в идее моральной личности. Под моральной личностью понимается способность определять волю к поступку посредством одного только разума. Практический разум есть автономно действующая воля. Высшая максима применения человеческого разума заключается в отношении всех конечных субъективных целей к предельной цели человеческого существования. Представление о такой предельной цели Кант дает в одной из формулировок категорического императива, которая гласит: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [7, 270]. Принцип долга требует в таком случае, чтобы в ситуации морального выбора между правдой и ложью предельной целью нашей максимы была универсальная идея человечества. Максима, лежащая в основании заведомо ложных утверждений, приводит к тому, что человечество в лице конкретного человека рассматривается как средство, но не как цель. Поэтому «ложь есть унижение и вместе с тем уничтожение человеческого достоинства в себе» [5, 367].

Это морально-этическое обоснование принципа правдивости тем не менее не является решающим доводом в полемике Канта против «французского философа» Констана. В своем рассуждении Кант становится на формально-правовую точку зрения, в соответствии с которой «правдивость в показаниях, которых никак нельзя избежать, есть формальный долг человека по отношению ко вся кому, как бы ни был велик вред, который произойдет отсюда для него или для кого другого» [6, 293]. Другими словами, во всех случаях, когда нам приходится делать выбор между правдой и ложью, мы должны руководствоваться правовой обязанностью «говорить правду, только правду и ничего, кроме правды». Определяющим аргументом для Канта становится утверждение о разрушительном действии лжи на права, основанные на договорах. В силу этого ложь как «умышленно неверное показание против другого человека» наносит ущерб «если не отдельному человеку, то человечеству вообще, ибо она делает негодным к употреблению самый источник права» [Там же].

Кант, таким образом, совершенно игнорирует различие между ложью как преднамеренным введением в заблуждение и так называемой «ложью во спасение», т. е. такой ложью, цель которой заключается в том, чтобы воспрепятствовать совершению преступления. Тем самым Кант исключает применение этико-правового аргумента, настаивающего на позволительности такой необходимой лжи [10, 131–133]. По этой причине попытки разрешить вопрос о правомерности лжи из человеколюбия указанием на то, что в ранних лекциях Кант допускает использование необходимой лжи в целях самозащиты, нельзя считать убедительными. Ибо здесь речь идет не о том, чтобы противопоставить Канту его собственные высказывания и таким образом постараться сгладить возникающее противоречие между очевидностью здравого смысла и строгостью юридического аргумента,

а о том, чтобы понять причину, по которой Кант занимает позицию абсолютной нетерпимости в отношении к мнимому праву лгать из человеколюбия.

Указанное противоречие действительно присутствует в кантовском рассуждении: «Добродушная ложь вследствие какой-нибудь случайности может подлежать наказанию и по гражданским законам; а то, что только в силу случайности избегает наказания, может быть рассматриваемо и публичными законами как правонарушение. Например, если ты своей ложью помешал замышляющему убийство исполнить его намерение, то ты несешь юридическую ответственность за все могущие произойти последствия. Но если ты остался в пределах строгой истины, публичное правосудие ни к чему не может придраться, каковы бы ни были непредвиденные последствия твоего поступка» [6, 293–294].

Кант утверждает, что человек, придерживающийся принципа правдивости, не несет юридической ответственности за свои действия в силу того, что все последствия его поступка носят случайный эмпирический характер. Именно этот аргумент представляется в высшей степени проблематичным. Тот, кто говорит правду, может, конечно, надеяться на то, что его друг воспользуется благоприятными обстоятельствами и избежит встречи со злумышленником. Он может надеяться, что подоспеет помочь и угроза жизни друга будет ликвидирована. Он может также надеяться на внезапное раскаяние, которое снизойдет на злумышленника в самый последний момент. Однако совесть такого человека вряд ли останется чистой, если сообщенные им правдивые сведения будут использованы злумышленником для совершения преступления. Такому «честному» человеку следовало бы с самого начала честно заявить о том, что в его доме никто не может рассчитывать найти укрытие от грозящей опасности. В противном случае, т. е. в случае молчаливого согласия на предоставление такого укрытия и последующего раскрытия информации о месте, в котором прячется предполагаемая жертва преступления, публичное законодательство, исходящее из представления о последствиях совершенного поступка, может расценить эти действия как действие злумышленнику.

По всей видимости, для того, чтобы преодолеть противоречие, возникающее между моралью здравого смысла и выдвигаемым системой права безусловным требованием правдивости в утверждениях, следует рассмотреть проблему с иной точки зрения. Мораль и право суть исторически обусловленные способы существования идеи свободы в действительности. Идея свободы, таким образом, неразрывно связана с феноменом существования человека в мире. В рукописном наследии Канта присутствует следующая запись: «Человек (существо в мире) есть вместе с тем существо, обладающее свободой — свойством, которое целиком находится вне каузальных принципов мира и тем не менее присуще человеку» [1, 552]. В трансцендентальной философии Канта феномен мира понимается в качестве универсальной формы, охватывающей взаимосвязь всего сущего. В феноменологической философии эта идея выражается в понятии горизонта¹.

¹ Представление о мире как о горизонте существования используется в неявном виде уже в ранних лекциях М. Хайдеггера. В «Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии» Э. Гуссерль вводит понятие «горизонта мира» (Welthorizont) [9, 141] как горизонта совокупного предметного опыта. Это понятие играет важную роль в дальнейших феноменологических исследованиях.

Феноменологический анализ позволяет тематизировать существование человека в универсальном горизонте всемирности мира. В применении к области практической философии эта тематизация позволяет осуществить переход от формальной этики долга к содержательной интерпретации феномена бытия в мире.

С точки зрения онтологии бытия в мире феномен мира мыслится в качестве универсального горизонта взаимосвязи действий в коммуникативном пространстве. Действия, обладающие моральной значимостью, называются поступками. В основании всякого поступка находится некий определяющий волю принцип. Субъективный принцип определения воли, или максима, есть принцип, лежащий в основании организации системы ценностей конкретного личного мира. Применение такой субъективной максимы в поступке дает возможность тематизировать горизонты мира индивидуального существования. Движение исторической жизни осуществляется как взаимодействие горизонтов различных личных миров. В лекциях по логике Кант предостерегает от попыток определения горизонтов, определяющих существование других людей².

Замечания Канта «служат своего рода дополнением к кантовской идеи совершенолетия и непосредственно вводят нас в самую сердцевину его философии и образа жизни, однако не его трансцендентальной философии, а именно его просвещенной философии» [8, 51]. Тем не менее в § 40 «Критики способности суждения» Кант рассматривает максиму широкого образа мысли, которая заключается в том, чтобы «мысленно ставить себя на место каждого другого» [3, 307], что предполагает возможность выявления горизонта личного мира другого человека, с одной стороны, и вместе с тем общего горизонта мира совместного существования — с другой. Задача практического закона как принципа объективного определения воли заключается в тематизации универсального горизонта всемирности мира, охватывающего взаимосвязь всех возможных личных миров разумных существ. В акте тематизации универсального горизонта осуществляется идея свободы.

Ложь как преднамеренное введение в заблуждение другого человека с целью извлечения выгоды для конкретного лица или для группы лиц может быть сопровождением субъективной максимы и свидетельствовать о наличии границ мира личного или совместного существования, но она не может рассматриваться в качестве условия обнаружения горизонта всемирности. Ложь аморальна. Если система этики или система права допускают существование лжи, то тем самым они разрушают свое собственное основание.

Однако в ситуации, вокруг которой разворачивается полемика Канта–Констана, речь удивительным образом идет совсем не о лжи. Речь идет о необходимости предоставить укрытие человеку, жизни которого угрожает злоумышленник. И если такое укрытие предоставляется на деле, то оно должно быть подтверждено и словом. Ибо слово должно рассматриваться здесь как поступок. Я утверждаю, что проблема, которую обсуждали Кант, Констан и их предшественники,

² «Было бы дерзко пытаться определить горизонт другим, ибо отчасти способности, отчасти цели других недостаточно известны» [4, 350].

заключается не в том, имеем ли мы право лгать из человеколюбия или не имеем. Проблема кроется прежде всего в некорректной постановке самого вопроса. Если мы не будем пользоваться высоким понятием истины или противоположным ему понятием лжи, а переформулируем вопрос иным способом, ответ будет вполне очевидным. Поэтому я спрашиваю: имеем ли мы право не сообщать злоумышленнику информацию о местонахождении разыскиваемого им человека? Вне всякого сомнения. Наш ответ в этом случае может быть ложным высказыванием, но он не будет ложью.

Почему же Кант так резко отреагировал на статью г-на Констана? Можно предположить, что Кант заподозрил в рассуждении «французского философа» присутствие некоего рода софизма. Пресловутое человеколюбие могло оказаться уловкой, которой поспешили бы воспользоваться недобросовестные люди для осуществления своих замыслов. При этом принцип «не лги» утратил бы всякий смысл. Между тем значимость этого положения для этики и права не вызывала у Канта никаких сомнений. Однако стремление подтвердить безусловный статус моральной заповеди, отвергающей право лгать, привело в результате к появлению шокирующей заметки Канта. Но, возможно, если бы Кант уделил этой проблеме чуть больше времени, он пришел бы к заключению, что вопрос о праве лгать из человеколюбия принадлежит той же области, что и печально знаменитый вопрос «Что есть истина?».

-
1. Кант И. Из рукописного наследия. М., 2000.
  2. Кант И. Критика практического разума // Соч. : в 6 т. Т. 4, ч. 1. М., 1965.
  3. Кант И. Критика способности суждения // Там же. Т. 5. М., 1966.
  4. Кант И. Логика // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.
  5. Кант И. Метафизика нравов // Соч. : в 6 т. Т. 4, ч. 2. М., 1965.
  6. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Кант И. Трактаты и письма. С. 292–297.
  7. Кант И. Основоположения метафизики нравственности // Соч. : в 6 т. Т. 4, ч. 1.
  8. Хинске Н. Между Просвещением и критикой разума: этюды о корпусе логических работ Канта. М., 2007.
  9. Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendentale Phänomenologie // Hua VI. Haag, 1962.
  10. Stolzenberg J. Kant und das Recht der Lüge // Классический разум и вызовы современной цивилизации : материалы международ. конф. : в 2 ч. Ч. 1. Калининград, 2010. С. 122–133.

Рукопись поступила в редакцию 10 марта 2016 г.